

П 35

178

Къ Волжцу!

П 35
178

№ 1.

180
20/15a

7 іюля 18 г.

1918

Петербургъ.

Цѣна 40 коп.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Самымъ названіемъ своимъ нашъ маленький журналъ намѣчаетъ, безъ лишнихъ словъ, путь, которымъ онъ хочетъ итти, и цѣли, ка-кимъ онъ хочетъ служить.

«Къ Солнцу!» желаетъ дать самымъ широкимъ читательскимъ группамъ чтеніе полезное, но и не скучное. Просвѣщая, онъ желалъ бы быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и интереснымъ; давая читателю изъ недѣли въ недѣлю вполне разумное духовное развлеченіе въ часы досуга, «Къ Солнцу!» будетъ неустанно трудиться и надъ тѣмъ, чтобы поучать, чтобы дать хотя бы въ малыхъ, ограниченныхъ рамкахъ то весьма и всѣмъ нужное, въ которомъ сейчасъ такая огромная, острая потребность положи-тельно для всѣхъ.

Нести своему читателю съ тѣхъ и куль-туру, плоды науки и литературы, вмѣстѣ съ нимъ итти къ солнцу—эта задача, сама по себѣ высокая и необъятная, будетъ всегда центромъ вниманія редакціи.

Этой задачѣ будутъ служить отдѣльныя страницы журнала «Къ Солнцу!»; ей будутъ посвящены приложенія, разбитыя на рядъ группъ, сообразно отраслямъ науки, литера-туры и практической жизни; туда же, на-конецъ, будутъ направлены усилія редакціи по-мочь своему читателю въ дѣлѣ самобразова-нія, составляя для него программы чтенія, высылая книги и библіотечки, отвѣчая на его вопросы въ особыхъ «бесѣдахъ», наконецъ, устраивая литературные вечера, экскурсіи и проч.

Нашъ путь.

Къ солнцу, къ свѣту
Путь предъ нами,
Мы—Грядущаго творцы.
И не гдѣ-то
За горами
Наши цѣли и дворцы...

Все—предъ нами,
Свѣтъ—предъ нами,
Торжество счастливыхъ дней.
Заповѣдными тропами,
Высоко поднявши знамя,
Смѣло, братья, въ міръ огней!

Къ солнцу, къ свѣту
По дорогѣ
Въ дивно-сказочную даль—
И у лѣта
На порогѣ
Сложимъ мы свою печаль!

Ив. Груздевъ.

Тебѣ, Россія!..

Пусть сломалася звѣздная лѣсенка,
Пусть всѣ сказки затоптаны былью,
Я крещенную солнышкомъ пѣсенку
Изъ души моей плачущей вылью...

Склею снова я лиру разбитую,
Я согрѣлся отъ солнечной ласки,
Можетъ быть, воскрешу я забытыя,
Но красивыя старыя сказки...

Къ сказкамъ путь весь поросъ повзлικοю,
Но знакома мнѣ съ дѣтства дорога:
Я спою про Россію великую,
Отъ которой осталось немного...

Пусть у смерти мы въ черномъ преддверіи,
Мы отвалимъ могильныя плиты,
Въ Русь святую по-прежнему вѣрю я,
Что... не быть Ильѣ въ полѣ убиту!...

Вы, усталые, грустные, ждите-же,
Скоро стихнуть рыданья и стоны,
Скоро, скоро услышимъ изъ Китежа
Золотые, призывные звоны...

Пусть безлюдно, темно за околицей,
Пусть обрызгано кровью оконце,
Сердцемъ чистые вѣрятъ и молятся
Лучезарному новому солнцу!

Михаилъ Андреевъ.

Разнообразіе сообщаемого литературно-на-учнаго матеріала, соединенное со сжатостью—такова техническая сторона общей задачи журнала. Быть можетъ, журналъ будетъ слишкомъ простъ для однихъ группъ читателя, зато самыя широкія демократическія массы найдутъ въ немъ общедоступность изложенія, возможную ясность разбираемаго вопроса и отчетливость описанія, способную прочно улечься въ памяти читателя.

Таковъ нашъ путь, путь къ солнцу знанія, къ солнцу внѣшней и внутренней дух вной культуры...

Спрашивайте у газетчиковъ
изданіе журнала «КЪ СОЛНЦУ!»—

КОРОЛЬ БЕРАНЖЕ.
ПѢСНИ

Перев. В. Курочкина, В. Князева, и др.
Вступительный очеркъ Д. Бразуля.
Портретъ Беранже и 4 рис.

Цѣна 50 коп.

А. Арнштамъ.
Государственная
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

в Ленинградѣ

Къ солнцу.

Разсказъ
Николая Понизовскаго.

Рисунокъ
худ. А. Арнштама (1910 г.).

Привезли Митьку изъ деревни въ городъ— и все ему удивительно и странно. Въ городѣ стоятъ сѣрые дома-великаны съ желѣзными шапками, и въ домахъ этихъ живетъ народъ юркій, хлопотливый, чистый. И говоръ тутъ иной, и шумъ, точно всѣ бранятся, и гулъ стоитъ днемъ и ночью, словно рушится, валится каменное царство.

Дичкомъ бродитъ Митька по дядиному дому, встрепанный. Забьется въ уголокъ, на полъ сядетъ, глаза закроетъ, скулитъ:

— У-у! Бо-о-ю-ся!

Выходить изъ своей комнаты тетка Анна Егоровна, вся въ черномъ, какъ монашка, гладитъ Митьку по головѣ:

— Эхъ, дурачокъ. Чего боишься-то? Ну, чего?

— У-у! Домо-ой!

Плачетъ, мечется въ своемъ углу и зубами ляскаетъ. Звѣренышъ.

Въ Антиповкѣ лѣса и поля—тихіе, избы, и небо и люди—свои, а здѣсь—камень.

Взялъ Митьку дядя Савелій съ собою на

литейный заводъ. Громъ и лязгъ. Стонетъ и ворчитъ желѣзо, изъ печки по желобамъ бѣжитъ расплавленный металлъ, рассыпается звѣздочками. Черные, какъ черти въ аду, суется люди, куда-зачѣмъ—не понять.

Митька побѣлѣлъ, присѣлъ и закричалъ: — Ай, мамка!

А дядя Савелій разсмѣялся, потрепалъ Митьку по головѣ:

— Звѣрекъ ты! Ты гляди, учись: человѣкомъ вырастешь. Заводъ—онъ штука умственная. Лежала руда въ землѣ. Прошелъ дуракъ— ногой пнулъ: къ чему она? Пришелъ умный, поднялъ и—эвона: прокаливаетъ, плавить— вотъ тебѣ и желѣзо. А желѣзо, что хлѣбъ: безъ него—никуда. Такъ-то.

Когда еще глядѣло утро черезъ синія очки, просыпался Митька, слушалъ.

Тихо. Тикаютъ гдѣ-то часы. Скребется мышка подъ поломъ. И вдругъ реветъ густой гудокъ на заводѣ:

— Вста-а-ва-ай!

Митька—шмыгъ подь одѣяло, боитсядохнуть.

Рано утромъ, когда домъ спитъ, обѣгаетъ Митька комнаты. Вотъ одна. Тутъ рѣзная лавка съ мягкимъ, точно перина, сидѣньемъ. Сядешь—въ подушкѣ подь тобою пыжится кто-то, подкидываетъ кверху. И еще тутъ громадина какая-то съ дверцами, а какъ назвать—не знаетъ Митька. И четыре комнаты, всѣ какъ одна, хмурыя, строгія, бѣлыя.

Черезъ недѣлю узналъ Митька, что есть въ домѣ еще комната—кухня. Пахнетъ тамъ вкусно и, какъ въ избѣ, тамъ тараканы, и живетъ тамъ бабка, по родному простая.

— И-ихъ, векша ты лѣсная!—поетъ по деревенскому бабка.—И чего ты все пугаешься? Люди у насъ, какъ люди—народъ. Не съѣдятъ тебя.

— Пошто домой не пускаютъ? Домой хоц-ца! Хы-ы-ы!

* *
*

Вотъ какой былъ Митька, когда привезъ его дядя Савелій изъ деревни. Пробѣжалъ годъ—вытянулся Митька, глаза запали, лицо побѣлѣло, сталъ онъ тоньше, но глядѣлъ смѣлѣе.

Тетка была богомольная. Все молилась въ своей комнатѣ. Молилась за упокой души раба Божія Алексѣя, сына своего. Померъ десяти лѣтъ. И еще молилась, чтобы далъ Богъ ребенка—горѣла она жаждою материнства, а дѣтей не было.

Дядя Савелій ходилъ на работу, а, придя, сердился на жену:

— Накурила, лампадная душа, ладаномъ. Какой Богъ? Гдѣ Богъ? Самъ себѣ человекъ—хозяинъ и никакихъ!

Былъ у дяди въ клѣткѣ кенаръ. По нѣмецки понималъ.

— Ци-ци-ци!—дразнилъ дядя Савелій кенара.—Фрицхенъ, комъ херъ!

Кенаръ хохлился, раскрывалъ крылья, клевалъ дядинъ палецъ.

— Зеръ гуть!—одобрялъ дядя.—Молодецъ! Умѣешь за себя стоять. Учись, Митя!

И стежки за стежками ткалось что-то въ умѣ у Митьки. Молчалъ онъ и слушалъ—учился.

* *
*

Восемь лѣтъ убѣждало. Митька сдѣлался Митріемъ и сталъ работать въ литейной. Тетка истаяла, сгорѣла, и жилъ теперь Митрій одинъ, комнату снялъ.

Какъ-то разъ на заводѣ случилось страшное. Лили рабочіе колонну. Вырыли въ землѣ форму, а недалеко отъ нея стоялъ бессемеръ съ расплавленной сталью.

— Лей!—приказалъ старшой.

Четверо рабочихъ взялись за ручки двѣ-

надцати-пудоваго бессемера, и вдругъ качнулся огромный кувшинъ,—опрокинулся. Сверкнула огненная змѣя, плеснулъ острый, короткій крикъ, и надъ тѣмъ мѣстомъ, куда вылилась сталь, поднялся бѣлый паръ.

Трое рабочихъ успѣли отскочить, а четвертый съ-воемъ махалъ какой-то головешкой—сожженной правой рукою.

Рабочаго увели, а другіе трое хмураснова взялись за работу: лили колонну.

Учился Митрій, и росла въ немъ душа, стала злой, твердой. И городъ полюбился ему, потому что тутъ, среди камней, выросла его сила, и здѣсь открылся ему новый міръ, и увидалъ онъ новыя дороги въ жизни.

А все-же была въ немъ тоска по землѣ, которая гдѣ-то, въ Антиповкѣ, рождала изъ чрева силу полей и лѣсовъ. Хотѣлось Митрію побывать на родинѣ, поглядѣть, какая она стала.

* *
*

Сталъ заводъ. Повернулось все по новому. Вздрыбилась Россія и сбросила съ себя старыхъ хозяевъ. Ходилъ Митрій по улицамъ и молча смотрѣлъ, какъ радуется народъ, поетъ вольныя пѣсни. Было свѣтло и широко въ его душѣ, точно она расправила крылья и поднялась высоко—къ солнцу!

И вотъ въ эти звонкіе, яркіе дни вспомнилъ Митрій объ Антиповкѣ. Взялъ билетъ на вокзалъ и поѣхалъ.

Былъ тамъ когда-то лѣсъ, а теперь только пни торчатъ изъ земли. А Антиповка убѣждала съ прежняго мѣста версты на двѣ—къ рѣкѣ. Посреди деревни стоитъ писчебумажная фабрика, а отъ нея идетъ шоссе, и вдоль шоссе—дома съ тесовыми крышами.

Чисто въ Антиповкѣ. Ходить по улицѣ народъ не деревенскій: въ сапогахъ, въ пиджакахъ, а бабы—простоволосы и въ кофточкахъ.

За деревней, на той сторонѣ рѣки, еще цѣлъ былъ старый соснякъ. Митрій разостлалъ на травѣ пиджакъ и легъ.

Шепталъ лѣсъ, а о чемъ—невѣдомо. Вслушался Митрій и сталъ понимать языкъ деревьевъ: про жизнь говорили они, про то, что никогда не умретъ жизнь на широкой землѣ, пока идетъ борьба, пока сила бьется съ силой и набѣгаютъ новыя волны людей и прорываются къ новинѣ.

Поднялся Митрій и пошелъ къ опушкѣ. Тамъ сверкала рѣка. Садилось солнце. На краю неба осѣли алая складка облаковъ, лемались, раздвигались, таяли, рвались и разбывали по небу огненные перья.

Большое, яркое стояло солнце надъ облаками и звало къ себѣ въ свѣтлую ширь.

Пѣвецъ плуга и земли.

Замѣтка и переводы съ англійскаго для
журнала „Къ Солнцу!“ Л. Андрусона.

Великій англійскій, точнѣе говоря, шотландскій поэтъ—Робертъ Бернсъ родился 25 января 1759 года въ графствѣ Эйръ въ юго-западной Шотландіи. Сынъ многосемейнаго бѣдняка, крестьянина-пахаря, Робертъ Бернсъ и самъ всю свою жизнь оставался пахаремъ, бѣднякомъ, въ неустанной жестокой борьбѣ съ нуждой создававшимъ свои дивныя пѣсни. Величайшій изъ всѣхъ поэтовъ, вышедшихъ изъ среды простого народа, Робертъ Бернсъ и вообще, безспорно, является величайшимъ и гениальнѣйшимъ лирикомъ всѣхъ странъ, вримень и народовъ.

Извѣстный англійскій историкъ, философъ и моралистъ, Томасъ Карлейль въ своей книгѣ «Герои, почитаніе героевъ и героическое въ исторіи», опредѣляя Роберта Бернса, какъ героя-писателя, считаетъ его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII-го вѣка.

Къ этой характеристикѣ смѣло можно прибавить, что на весьма многіе, если не на всѣ, вѣка Робертъ Бернсъ, какъ теперь, такъ и впослѣдствіи, будетъ занимать не послѣднее мѣсто въ числѣ гигантскихъ свѣточей, озаряю-

щихъ путь человѣчества къ истинѣ, добру и красотѣ, къ будущей счастливой свѣтлой жизни на землѣ.

Редакція журнала «Къ Солнцу», намѣтивъ изданіе въ ближайшемъ будущемъ сборника избранныхъ пѣсень Роберта Бернса въ переводахъ извѣстныхъ русскихъ поэтовъ (въ качествѣ бесплатнаго приложенія) предлагаетъ здѣсь вниманію читателя нѣсколько переводовъ пѣсень великаго пѣвца-пахаря, къ сожалѣнію мало извѣстнаго у насъ на Руси.

Изъ Роберта Бернса.

МОЙ ПАХАРЬ.

Мой пахарь—бравый молодецъ,
Ну—просто заглядѣнье.
Всѣ люди чувствуютъ къ нему
Невольное почтенье.

Милѣ дѣвушка иной —
Рыбакъ, охотникъ, воинъ,
По мнѣ: мой пахарь лучше всѣхъ
И больше всѣхъ достоинъ.

Когда мой пахарь подъ дождемъ
Весь до костей промокнетъ,—
Въ м ихъ объятіяхъ всегда
Безъ прома у обсохнетъ.

И я заботлива къ нему
Все шью, стираю, глажу...
Я вся—его, все для него
Какъ можно лучше лажу.

И то сказать: какъ онъ нигдѣ—
Попытки бросьте эти!—
Такого больше не найти
На цѣломъ Божьемъ свѣтѣ.

Всѣ пуговицы—серебро:
Горятъ, блестятъ на славу.
Самъ статенъ. Шапка—на-бекрень.
Таковъ мой пахарь бравый.

Онъ съ пѣсней трудится весь день.
Благословляю небо

Я за него: у насъ всегда
Амбары полны хлѣба.

Пусть дѣвушкѣ иной милѣй —
Рыбакъ, охотникъ, воинъ,
Мой милый пахарь лучше всѣхъ,
Всѣхъ болѣе достоинъ.

ДОВОЛЬСТВО МАЛЫМЪ.

Я малымъ доволенъ и веселъ всегда.
Нагрязнать невзгоды ко мнѣ—не бѣда,
Я пѣсней веселой пинка имъ даю,
Пью кружку за кружкой, смѣюсь и пою.
Пусть давить и душить, какъ хочетъ
судьба:
Борецъ—человѣкъ, поле жизни—борьба.
Свободу мою, смѣхъ мой смѣю ска-
зывать—
Всѣ сильные міра не въ силахъ отнять.
Годъ тяжкихъ заботъ и гнетущихъ невзгодъ,
За доброй попойкой быльемъ порастетъ.
Оконченъ путь долгій—пора отдохнуть.
Кой чортъ! Кто же вспомнить, какъ труденъ
былъ путь?

А счастье—слѣпое. Не все ли равно
Далеко ли, близко ли бродить оно?
Трудъ, отдыхъ ли, радость ли, горечь
утрачъ—
Всѣ милости просимъ: я всѣмъ очень
радъ.

ВЪ АДУ ТЕПЕРЬ СБОРЩИКЪ ПРО- КЛЯТЫЙ!

Со сборщикомъ въ городъ чортъ проплясалъ.
Такъ ловко—танцоръ онъ завзятый! —
И въ адъ утащилъ. Были рады мы гсѣ:
Въ аду теперь сборщикъ проклятый!
Чортъ нашего сборщика въ адъ уволокъ,
Жить будемъ привольно, богато.
Чортъ ловко плясалъ, онъ отлично
плясалъ:
Въ аду теперь сборщикъ проклятый!
И пиво мы варимъ, и пьемъ себѣ, пьемъ
И пляшемъ, весельемъ объаты.
Ахъ, чортъ подери, чортъ какой молодецъ:
Въ аду теперь сборщикъ проклятый!

Галерея современниковъ.

В. ВОЛОДАРСКІЙ.

В. Володарскій.

(Убитый комиссаръ Совѣта Петербургской
Коммуны).

20 іюня въ Петербургѣ убитъ рукой не-
извѣстнаго политическаго противника одинъ
изъ видныхъ представителей совѣтской вла-
сти—большевикъ Володарскій (Моисей Марко-
вичъ Гольдштейнъ), безусловно блестящій
ораторъ, умѣвшій сильно вліять на рабочія
массы и пользовавшійся громаднымъ успѣхомъ
и извѣстностью среди петербургскихъ ра-
бочихъ.

Особенно выдвинулся Володарскій со вре-
мени октябрьскаго переворота, а затѣмъ—
послѣ переезда совѣтскаго правительства въ
февраль изъ Петербурга въ Москву, когда
онъ становится комиссаромъ Совѣта Петер-
бургской Коммуны по дѣламъ печати, агитаціи
и пропаганды.

Володарскій былъ также однимъ изъ осно-
вателей и руководителемъ до послѣдняго часа
«Красной Газеты» — газеты для рабочихъ, со-
вершенно особаго типа, можно сказать имъ
созданнаго, выношеннаго, гдѣ партійная, клас-
совая строгость и приспособляемость къ ши-
рокому, малосознательному рабочему читателю
соединялись вмѣстѣ.

Похороны Володарскаго превратились въ
грандіозную демонстрацію «подсчета силъ»: до
сотни тысячъ рабочихъ, матросовъ и красно-
армейцевъ, больше двухъ сотенъ вѣнковъ — и
это при проливномъ дождѣ съ утра до вечера.

КАРТИНКА НРАВОВЪ РАБО- ЧАГО НЬЮ-ІОРКА.

(Перев. съ англійскаго для журн.
«Къ Солнцу!» В. Измалковой.

Рисунки худ. Б. Антоновскаго).

Мэгги Финкъ забѣжала на минутку къ своей сосѣдкѣ Салли Кассиди, жившей этажомъ ниже.

— Вотъ, полюбуйся,—закричала ей та, едва только она успѣла войти, и съ гордостью повернула къ ней лицо. Подъ лѣвымъ глазомъ красовался огромный, зеленовато-фіолетовый синякъ, а самъ глазъ былъ наполовину закрытъ. Изъ раскроенной верхней губы еще сочилась кровь, а на шеѣ были замѣтны красные слѣды пальцевъ.

Мэгги Финкъ съ трудомъ могла скрыть ужасъ, соединенный съ нѣкоторой завистью...

— Моему мужу никогда въ голову не пришло бы привести меня въ такой видъ!

— Ну, ужъ, я то никогда не согласилась бы имѣть мужа, который не билъ бы меня, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю!—заявила Салли.—Если бьетъ, значитъ любить. И ловко же онъ меня отдѣлалъ въ этотъ разъ! Я просто свѣту не взвидѣла! Но зато онъ будетъ шелковый всю недѣлю, чтобы вознаградить меня за это. Ничего, что у меня фонарь подъ глазомъ—за него я получу билетъ въ театръ и шелковую блузу, а можетъ быть и еще что-нибудь!

— Я считаю, что мой мужъ слишкомъ уважаетъ себя, чтобы позволить себѣ когда-нибудь поднять руку на жену,—сказала Мэгги съ напускнымъ спокойствіемъ.

— Ну, полно, не втирай мнѣ очковъ, Мэгги,—засмѣялась ея сосѣдка, прикладывая къ глазу арнику,—ты просто завидуешь мнѣ. Твои увалень тяжель на подъемъ—куда ужъ ему заниматься такими дѣлами. Небось, придетъ домой съ работы и сидитъ цѣлый вечеръ, уткнувъ носъ въ газету. Что, развѣ я не правду говорю?

— Мой, мужъ дѣйствительно, просматриваетъ газеты, когда приходитъ домой,—съ достоинствомъ согласилась Мэгги,—но..

Межъ тѣмъ, Салли Кассиди засмѣялась довольнымъ смѣхомъ счастливой женщины, имѣющей заботливаго повелителя. Съ видомъ полководца, показывающаго свои трофеи, она отвернула воротникъ капота — и глазамъ ея подруги-сосѣдки предсталъ еще одинъ драгоценный синякъ: коричневаго цвѣта, съ олив-

ковыми и оранжевыми оттѣнками,—синякъ, уже почти зажившій, но все же дорогой сердцу.

При видѣ его, Мэгги Финкъ пришлось сдаться. Ея напускное спокойствіе пропало, а въ глазахъ блеснулъ завистливый огонекъ.

— А развѣ тебѣ не больно, когда онъ тебя колотитъ?

— Больно?!—возмутилась Салли и при воспоминаніи о пережитомъ удовольствіи пронзительно запищала.—Да у меня искры изъ глазъ летятъ, а потомъ тѣло ноетъ цѣлые сутки! Но за-то тутъ и билеты въ театръ, и катанье на лодкѣ за городомъ, и ажурные чулки... Въ прошлый разъ онъ подарилъ мнѣ цѣлыхъ полдюжины.

— Но за что же онъ тебя бьетъ?—просто безъ всякой причины?

— Ну, вотъ тоже,—возмутилась Салли,—«безъ причины»! Развѣ я ему не жена? Ну,

приходитъ онъ домой навеселѣ, а тутъ я. Кого же больше онъ имѣетъ право бить? Посмотрѣла бы я, какъ бы онъ посмѣлъ поколотить кого-нибудь другого! Смотришь, и привя, жется къ чему-нибудь: то, почему ужинъ не готовъ, то зачѣмъ ужинъ на столѣ? Ему причинъ и не нужно вовсе: онъ просто сидитъ себѣ въ трактирѣ и наливается, пока не вспомнитъ, что у него есть жена, а тогда тащится домой и принимается за меня. Иногда

(Продолженіе см. на стр. 10—11).

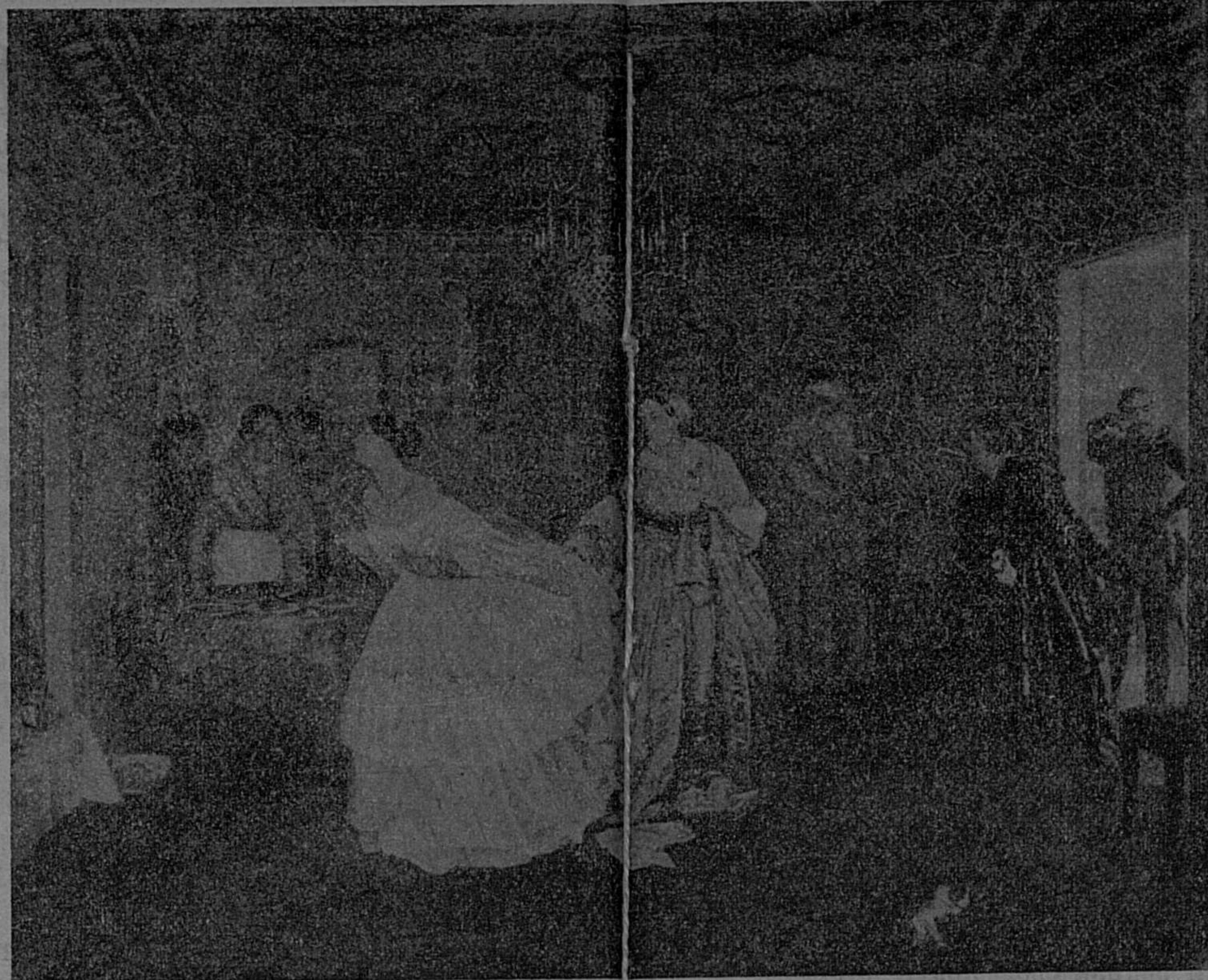
Борцы за новое

Отец бытовой живописи П. А. Оедотовъ.

Передъ читателями «Къ Солнцу», въ рядѣ номеровъ, пройдутъ снимки съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, которые смѣло рвали съ разъ навсегда установленными и одобренными приѣмами и прокладывали совершенно новыя, «опасныя» дороги въ живописи, начинали собой переломъ, революцію въ мѣрѣ красокъ, линій и самаго содержанія картинъ.

Не случайно взять для начала этого ряда Пав. Андр. Оедотовъ, бросившій рабское преклоненіе передъ «разъ навсегда» установленнымъ содержаніемъ картинъ — сказки древняго міра, библія, чужая и родная исторія. Онъ нашелъ, что обыкновенная комната, самоваръ, купецъ, барышня, чиновникъ, грязная кухарка... однимъ словомъ — всѣ люди и вещи ежедневнаго, будничнаго быта нисколько не хуже и не ниже для искусства, чѣмъ боги древней Греціи, подвиги французскихъ рыцарей, битвы народовъ, или жизнь русскихъ царей.

Но въ этомъ повседневномъ бытѣ всегда бываетъ, вѣдь, смѣхотворный отбѣнокъ: и Оедотовъ, не задумываясь, разрѣшаетъ себѣ роскошь — въ серьезномъ произведеніи искусства немножко... посмѣяться. Таковы его «Сватовство майора», «Утро чиновника,

П. А. Оедотовъ.

Сватовство майора.

въ искусствѣ.

получившаго первый орденъ» и др. На ряду съ яркой, художественной фотографіей быта — насмѣлка надъ нимъ же. Такъ, закрѣпляя черты этого быта для потомковъ, художникъ сразу же закрѣплялъ и смѣхотворныя его черты, становился не только бытовикомъ, но и сатирикомъ.

Велико было смущеніе и удивленіе публики и академиковъ, когда въ искусство вдругъ ворвалась эта живая струя. На выставкѣ передъ «Сватовствомъ майора» (которое Оедотовъ писалъ съ натуры, — събору по сосенкѣ), разыскивая по всей Москвѣ типы, мебель, обстановку для картины) толпилась публика, а самъ художникъ, къ тому же, забавлялъ ее прибаутками и раешникомъ, объясняя содержаніе картины.

Послѣ Оедотова въ русской живописи опять засіяла бытовая пустота, опять пошли боги, князья, фонтаны и принцессы. но затѣмъ появились простые, но и глубокіе, волнующіе своими мужиками, трактирами, санями, мальчиками, снѣгомъ, понами, птицами и купцами — Перовъ и Прянишниковъ.

И. Славутинъ.

«Дѣятели красной партіи бросаютъ въ Сену полицейскаго сержанта»

(Парижскій журналъ 1871 г.).

Темныя страницы прошлаго.

Къ исторіи парижской коммуны.

47 лѣтъ назадъ пролетѣла эта ужасная социальная буря надъ владыкой городовъ — Парижемъ. 47 лѣтъ назадъ населеніе Парижа изъ-за проклятой человѣческой бойни — Франко-Прусской войны 1870—71 гг., испытало всѣ ужасы кровавой внутренней распри, борьбы между коммуной и представителями средняго класса. Мы не разъ остановимся на страницахъ «Къ Солнцу» на отдѣльных частяхъ этой незабываемой, героической страницы исторіи: она, вѣдь, во многомъ схожа съ той, какую перелистываютъ теперь Россіи и Петербургъ. Мы расскажем читателю какъ 47 лѣтъ назадъ въ кровавой междоусобной распрѣ въ Парижѣ погибло до 30 тысячъ человѣкъ и сопроводимъ нашъ рассказъ соответствующими рисунками.

Журналы того времени, бывшіе всецѣло въ рукахъ противниковъ коммуны, отражаютъ рядъ чрезвычайно интересныхъ моментовъ изъ жизни тогдашняго возставшаго Парижа.

Жены заточенныхъ въ Версали, вблизи Парижа, рабочихъ-коммунаровъ безуспѣшно просятъ у солдатъ пропуска къ ихъ мужьямъ

(Парижскій журналъ 71 г.).

я возьму да и спрячусь, пока онъ еще не успѣетъ очень разбушеваться. А то бываетъ, что мнѣ нужно отъ него что-нибудь получить,—ну, я нарочно и попадаюсь ему подъ руку нѣсколько разъ, и, въ концѣ концовъ—онъ исколотитъ меня до полусмерти. Вотъ, на примѣръ, вчера: мнѣ давно хотѣлось, чтобы онъ купилъ мнѣ черную шелковую кофту, но я знала, что съ однимъ синякомъ подъ глазомъ ея не добьешься. А какъ поколотилъ онъ меня основательно, такъ я держу пари, что сегодня будетъ у меня эта блуза!

Мэгги Финкъ задумалась.

— Мой Мартинъ,—сказала она,—ни разу меня не ударилъ. Онъ приходитъ домой, не говорить ни слова и все читаетъ. И никуда

его не вытащишь, такой домосѣдъ! И такой всегда угрюмый. Правда, онъ дѣлаетъ мнѣ подарки, но даже не улыбнется, когда даетъ вещь, такъ что и брать то ее не хочется.

— Бѣдняжка,—протянула Салли,—мнѣ жаль тебя, но, конечно, не всѣ мужья такіе, какъ мой Джэкъ. Если бы всѣ были такіе...

Въ эту минуту входная дверь распахнулась подъ энергичнымъ толчкомъ ноги хозяина дома, а вслѣдъ затѣмъ вошелъ и онъ, нагруженный пакетами. Жена бросилась къ нему на шею. Ея здоровый глазъ горѣлъ тѣмъ свѣтомъ любви, какимъ бываютъ полны глаза дикарки, приходящей въ себя уже въ хижинѣ своего похитителя, который сначала ошеломилъ ее тяжелымъ ударомъ, а потомъ только притащилъ ее къ себѣ въ эту хижину.

— Здравствуй, Салли,—закричалъ Джэкъ Кассиди,—вотъ, бери, развязывай, тутъ есть для тебя шелковая кофта, а къ вечеру соберайся, пойдемъ въ циркъ. — Ахъ, госпожа Финкъ, я васъ и не замѣтилъ сначала! Здравствуйте! Какъ поживаетъ Мартинъ?

* *

Мэгги Финкъ поднялась и ушла въ свою квартирку. Тамъ она стала плакать.

Плакала Мэгги безъ всякой причины, какъ умѣютъ плакать только женщины, но тѣмъ не менѣе чувствовала себя при этомъ очень

несчастной. Почему это ея Мартинъ ни разу ее не побилъ? Вѣдь, онъ ничуть не ниже ростомъ и такой же сильный, какъ и Джэкъ Кассиди. Можетъ быть, онъ ее совсѣмъ не любитъ? Правда, они никогда не ссорятся, но когда онъ приходитъ домой, то слоняется по угламъ и молчитъ, ничего не дѣлаетъ, только тоску наводитъ. Конечно, онъ заботится о ней, но если онъ и довольно сносный поставщикъ, то все-таки не имѣетъ понятія о «пряностяхъ» жизни.

Въ семь часовъ вернулся Мартинъ Финкъ. Это былъ человекъ, все существо котораго было пропитано проклятіемъ домосѣдства. Онъ терпѣть не могъ уходить изъ дому и просиживалъ цѣлые вечера у камина съ трубкой и газетой.

— Что, вкусный ужинъ?—спросила у него жена.

— Мм-да, ничего! — промычалъ онъ въ отвѣтъ.

Послѣ ужина Мартинъ застѣлъ за газеты. Какъ и всегда, онъ снялъ сапоги и сидѣлъ въ однихъ носкахъ.

**

На другой день было Первое Мая—рабочій праздникъ.

Салли Кассиди надѣла свою новую шелковую блузу, и даже изъ ея поврежденнаго глаза исходило какое-то праздничное сіяніе. Джэкъ былъ особенно щедръ въ своемъ раскаяніи и рѣшилъ провести день какъ можно веселѣе,—съ прогулкой въ паркъ, съ пикникомъ и пильзенскимъ пивомъ.

Острая зависть, смѣшанная съ негодованіемъ, охватила сердце бѣдной Мэгги Финкъ, когда она увидѣла подругу. Счастливица Салли съ ея синяками и съ быстро наступающимъ вознагражденіемъ за нихъ! Но чѣмъ она хуже Салли? Чѣмъ Мартинъ Финкъ хуже Джэка Кассиди? Неужели его женѣ суждено никогда не извѣдать ни побоевъ, ни ласки?!

Но вдругъ блестящая, гениальная мысль прорѣзала мозгъ молодой женщины. Почему бы ей не доказать своей счастливой подругѣ, что и у нея есть мужъ, способный пустить въ ходъ кулаки, а потомъ быть особенно нѣжнымъ и щедрымъ?..

**

Въ квартирѣ у Финковъ настроеніе было далеко не праздничное. Въ кухнѣ, въ большой лохани мокло приготовленное для стирки бѣлье. Мартинъ, какъ всегда, читалъ газету, сидя у огня, безъ сапоговъ, въ однихъ носкахъ.

При видѣ его знакомой фигуры и позы, зависть разгоралась все сильнѣе въ сердцѣ его жены, а вмѣстѣ съ нею крѣпло и смѣлое рѣшеніе. Если ея мужъ самъ не понимаетъ, что онъ долженъ поколотить ее для поддер-

жания своего мужского престижа, для защиты своих домашних прав и для доказательства своего интереса къ супружеским дѣламъ,—такъ она сама заставитъ его исполнить эту обязанность.

Какъ на зло, словно нарочно раздражая, изъ верхней квартиры доносился веселый смѣхъ Салли Кассиди. Онъ звучалъ насмѣшкой, какъ будто бы она хотѣла похвастаться своимъ счастьемъ передъ небитой и необласканной подругой.

Но теперь пришло и для Мэгги Финкъ время дѣйствовать.

И она, какъ вѣдьма, вдругъ набросилась на погруженного въ чтеніе мужа.

— Лѣнтяй, бездѣльникъ—раздался пронзительный визгъ—съ какой стати я должна работать и стирать, пока руки не отвалятся, чтобы угодить такому негодяю, какъ ты? Отвѣчай же?! Что ты,—человѣкъ или собака?!

Мартинъ Финкъ такъ растерялся отъ неожиданности, что уронилъ газету и смотрѣлъ на жену въ нѣмомъ изумленіи. Видя его неподвижность, Мэгги испугалась, что онъ не станетъ ее бить, что брани недостаточно, чтобы привести его въ ярость. Тогда она подскочила къ нему и стала, что было силъ, бить его по лицу кулакомъ. Въ эту минуту она такъ трепетала отъ любви къ нему, какъ никогда въ жизни. О, какъ бы она хотѣла сейчасъ почувствовать на себѣ тяжесть его руки—только для того, чтобы имѣть доказательство, что онъ ее любитъ!..

Мартинъ вскочилъ. Мэгги хорошенько размахнулась и ударила его еще разъ въ щеку. Потомъ она закрыла глаза и съ упоеніемъ и замираніемъ сердца ждала отвѣтнаго удара; на шептала его имя и подставляла свое лицо подъ долгожданную и желанную пощечину.

Этажомъ и же Джэкъ Кассиди со смущеннымъ и пристыженнымъ лицомъ пудрилъ разбитый глазъ жены передъ тѣмъ, какъ идти въ паркъ. До нихъ долетѣли звуки разъ-

яренного женскаго голоса, сопровождаемые топотомъ ногъ, шумомъ передвигаемой мебели и грохотомъ опрокинутого стула, все—знакомые звуки и безошибочные признаки домашнего конфликта.

— Кажется, Мартинъ и Мэгги дерутся!—предположилъ Джэкъ Кассиди—а я и не зналъ, что это съ ними случается! Пойти посмотреть—можетъ имъ нуженъ кто-нибудь, чтобы прикладывать примочки?

— Неужели?—пробормотала Салли—неужели?... Подожди, Джэкъ, я побѣгу наверхъ и взгляну сама!

Она быстро взбѣжала по лѣстницѣ. Но не успѣла она дойти до верхней площадки, какъ навстрѣчу ей изъ кухонной двери выскочила Мэгги Финкъ.

— Мэгги!—воскликнула Салли восторженнымъ шопотомъ—неужели о тѣ?... неужели?...

Но Мэгги, вмѣсто отвѣта, бросилась къ ней на шею и безудержно зарыдала.

Салли взяла въ руки голову подруги и внимательно на нее посмотрѣла. Лицо было заплакано, на немъ проступили красныя и бѣлыя пятна, но его бархатистая, свѣжая, хотя и покрытая мелкими веснушками, поверхность не носила никакихъ слѣдовъ грубаго прикосновенія кулаковъ расходившагося мужа.

— Скажи же, въ чемъ дѣло, Мэгги?—настаивала Салли—или... или... я войду и узнаю сама. Что случилось? Ударилъ онъ тебя, или... что онъ сдѣлалъ?

Голова Мэгги снова съ отчаяніемъ исчезла на груди ея подруги.

— Ради Бога, Салли, не открывай дверей!—рыдала она—и никому не рассказывай—чтобы все было шито-крыто. Онъ... не тронулъ меня и—подумай только!—онъ стира-етъ бѣлье!... онъ стира-етъ бѣлье!..

Творецъ народной музыки.

Къ 10-лѣтію смерти Н. А. Римскаго-Корсакова.
Очеркъ **Ник. Бернштейнъ.**

Ни одинъ изъ русскихъ композиторовъ не стремился къ свѣту, къ природѣ съ такой неудержимой силой, какъ великій создатель «Снѣгурочки» и «Майской ночи». Эти произведенія какъ бы пропитаны весеннимъ тепломъ. Въ ихъ музыкѣ какъ бы ощущается красное солнце, его всеогрѣвающие лучи.

Н. А. Римскій-Корсаковъ — композиторъ народный въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Какъ Глинка, творчество котораго послужило ему неизсякаемымъ источникомъ для своего художественнаго самоопредѣленія.

Изъ пятнадцати его оперъ должны быть особенно памятны народнымъ слушателямъ: «Псковитянка», «Майская ночь», «Снѣгурочка», «Ночь передъ Рождествомъ»; «Садко», «Царская невеста», «Сказка о царѣ Салтанѣ», «Золотой пѣтушокъ». Къ нимъ необходимо присоединить «увертюру на русскія темы», «фортепианный концертъ», «скрипичную фантазію» и другія произведенія, въ которыхъ на одинъ элементъ свидѣтельствуется о внутреннемъ тяготѣніи великаго композитора къ связи со своей родиной. Тѣмъ болѣе любопытно отмѣтить, что Н. А. Римскій-Корсаковъ по прямой линіи происходитъ изъ крестьянской среды.

Мать композитора была незаконной дочерью дворянина Вас. Феод. Скарятинъ и дворовой крѣпостной дѣвушки села Троицкаго (Орловской губ.), а отецъ его былъ также незаконнымъ сыномъ помѣщика Петра Воиновича и дочери священника, похищенной имъ отъ отца.

«Безъ этихъ обновленій — сказалъ какъ-то Н. А. Римскій-Корсаковъ — мы, навѣрное, бы выродились, а теперь по крайней мѣрѣ есть законное оправданіе моей страсти ко всему религіозно-обрядовому, — къ хороводамъ, троицкимъ и русальнымъ пѣснямъ. Вотъ откуда я унаслѣдовалъ свою беззавѣтную любовь ко всему истинно бытовому, народному»...

Н. А. Римскій-Корсаковъ родился въ Тихвинѣ (Новгородской губ.). 6 марта 1844 г. Онъ жилъ тамъ до 12-ти лѣтняго возраста. О того въ его «Воскресной увертюрѣ», такъ и въ своеобразной «Снѣгурочкѣ» сказываются тихвинскія музыкальныя воспоминанія.

Былъ моментъ, когда онъ чуть ли не совсѣмъ бросилъ занятія музыкой, но сближеніе съ музыкальнымъ кружкомъ, во главѣ котораго стоялъ М. А. Балакиревъ, снова пробудило въ немъ музыкальныя заснувшія стремленія. Рядъ блестящихъ сочиненій обращаетъ на него вниманіе. Его приглашаютъ профессоромъ консерваторіи.

Углубленіе въ тайны классической музыки и ея старательное изученіе способствуетъ развитію въ Римскомъ-Корсаковѣ той техники, благодаря которой онъ и прославился.

Но впечатлѣнія дѣтства, тяготѣніе къ родной старинѣ, къ народному и точнику придаютъ его творчеству особенныя черты.

«Я увлекся, — рассказываетъ великій композиторъ — поэтической стороной культа поклоненія солнцу и искалъ его остатковъ и отзвуковъ въ мелодіяхъ и текстахъ пѣсенъ».

Римскій-Корсаковъ боготворилъ природу и наблюдалъ за русскимъ народомъ, онъ былъ влюбленъ въ народное творчество. Претворенные имъ художественные образы и настроенія лучше всего свидѣлствуютъ о неизмѣнныхъ стремленіяхъ его души.

Ник. Бернштейнъ.

НА ГРУДИ ПРИРОДЫ.

Пчелы.

Гудятъ золотыя пчелы,
Звономъ ихъ полонъ садъ.
Въ хоръ ихъ звонко-веселый
Яблони льютъ ароматъ.

Радостенъ запахъ медвяный
Розово-бѣлыхъ цвѣтовъ.
Радостенъ солнечно-пьяный
Хоръ золотыхъ голосовъ.

Поютъ золотыя пчелы
Гимны зеленой веснѣ.
Трудъ золотой и тяжелый
Счастьемъ кажется мнѣ:

Кажется счастьемъ желаннымъ
Быть золотою пчелой,
Въ хорѣ солнечно-пьяномъ
Пѣть надъ зеленой травой.

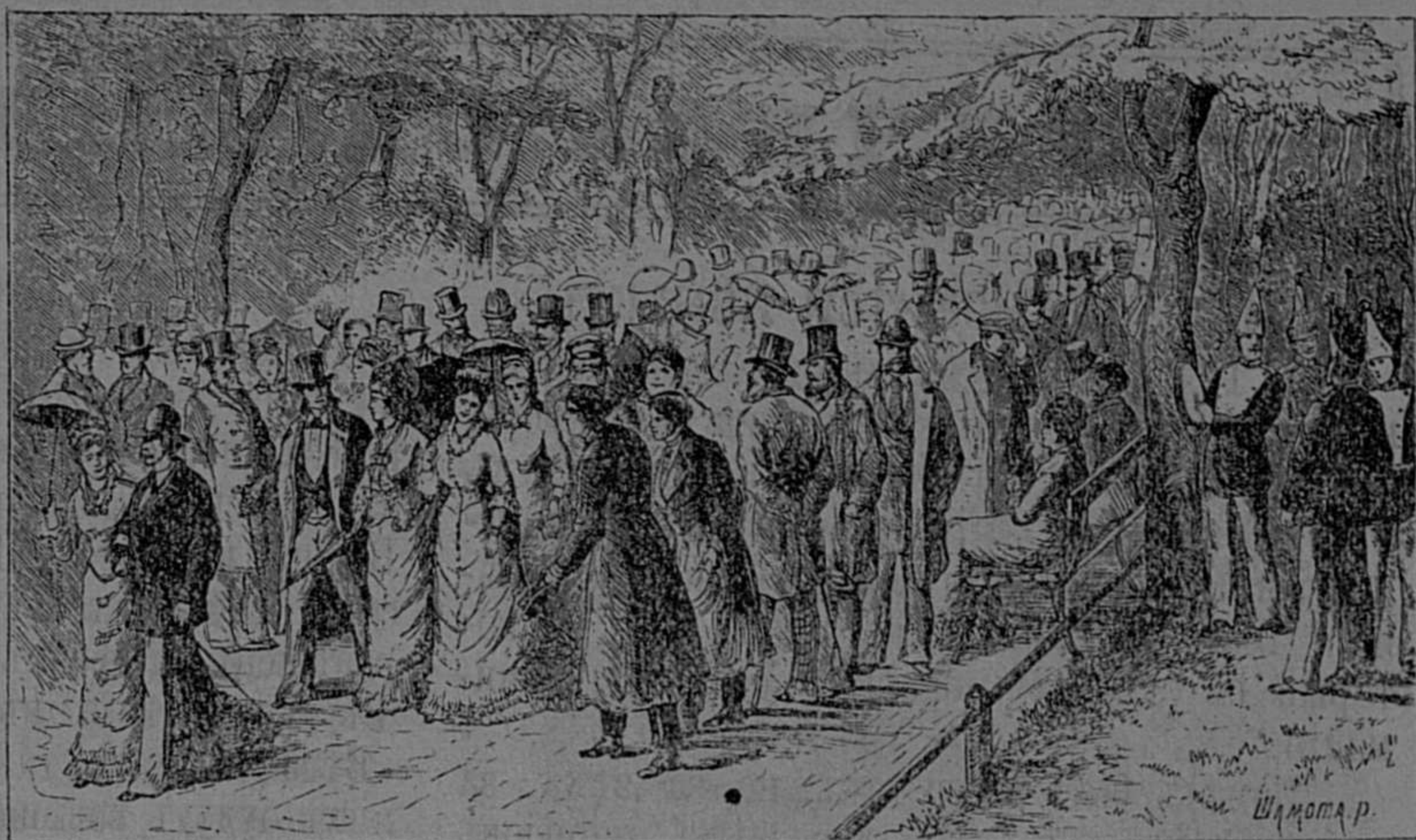
Л. Андрусонъ.

Старый Петербургъ.

Вмѣстѣ съ забвѣніемъ стараго добраго имени — Петербургъ, вывѣтриваются изъ книги памяти питерскихъ старожилонъ обычаи и характерныя черты стараго Петербурга.

Приводимая здѣсь гравюра 70-хъ гг. изображаетъ одинъ изъ такихъ исчезнувшихъ давно обычаевъ выводъ купеческихъ дочекъ — невѣстъ на смотрины въ Лѣтній садъ, въ день праздника Троицы.

Какъ это все далеко отъ насъ нынѣшнихъ, какъ глубоко кануль въ вѣчность

этотъ старый, казалось — на вѣки нерушимый бытъ тупой сытости, купеческаго самодурства, чиновничьяго подобострастія...

ТАКЪ ПРОСТО...

Петербургскій бытъ. — Набросокъ В. Черняго.

Ахъ, какъ надоѣла эта танцулька.

Хронику, фельетоны, длиннѣйшія статьи и даже специальный сборникъ слопала остервенѣвшая тема о танцулкѣ. Нервничаютъ, брюзжаютъ, призываютъ бороться съ балами. И уже начали бороться: не даютъ свѣта, не пускаютъ музыкантовъ въ танцевальныя залы. Но танцоры достаютъ и свѣтъ, и звукъ — и пляшутъ, пляшутъ...

Довольно, господа, объ этомъ. Не пишите больше. И борьбы никакой не надо. Сами перестанутъ приплясывать.

Помните пивныя?

Калинкинское, Новая Баварія, Ливонія, Пель-Эль... И тутъ же соленые сухарики, сочныя сосиски и красныя, радостно волнующіе раки.

Куда вечеромъ? Конечно, въ пивную.

Но война... Сорваны вывѣски съ пивныхъ, окна и двери заколочены досками паискосокъ.

Приуныли владѣльцы пустующихъ помѣщеній, ибо забыли они слова Мармеладова: «у каждаго человѣка должно быть мѣсто, куда онъ могъ-бы пойти».

Помнили вѣчныя слова только трое: грузинъ, грекъ и армянинъ.

Восточное тріо съ гортаннымъ крикомъ сорвало доски съ оконъ и дверей и бывшія пивныя превратились въ вафельныя.

Помните? Французскія вафли, рахат-лукумъ, кувакъ, чадъ отъ салныхъ вафель — цѣ, сифилитикъ — вафельщикъ... Уютно, весело...

Куда вечеромъ? Конечно, въ вафельную.

Но для вафель нужна мука — и вафли запрещены.

Тріо переѣхало на Невскій торговать гузиной. А вафельныя заколотили досками паискосокъ.

И вдругъ на бывшихъ вафельныхъ заперстрѣли, зарядили, затараторили странныя вывѣски:

«Резиновая подошва, резиновая подошва, резиновая подошва»!!!

«Прочнѣ кожаной! Изящнѣй кожаной! Гигиеничнѣй кожаной! Дешевле кожаной»!!!

Ахъ, господинъ Мармеладовъ, какъ вы правы...

Куда вечеромъ? Конечно, придѣлывать резиновую подошву.

А теперь скажите — что испытываетъ человѣкъ, который только что придѣлалъ себѣ удивительныя резиновыя подошвы? Разумѣется, онъ испытываетъ неудержимое, чисто физиологическое желаніе двигаться, прыгать и (высшая, художественная форма движенія) танцовать.

Придѣлаешь это себѣ резиновую подошву, топнешь ногой, какъ жеребецъ, ѣ помчишься на развеселую танцульку.

Борьба съ танцулками излишня. Нужно только съ молниеносной быстротой вышвырнуть изъ бывшихъ пивныхъ-вафельныхъ резиновыя подошвы, а вмѣсто нихъ поставить на полки книги, а за прилавокъ посадить поэта, лектора, актера...

И повѣсить вывѣску:

— Мѣсто, куда можетъ пойти каждый человѣкъ.

Такъ просто.

НАУЧНАЯ СТРАНИЧКА.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМЪ.

Л. Толстой опредѣлилъ однажды религію, какъ стремленіе человѣка отвѣтить на попросъ, зачѣмъ онъ живетъ и каково его отношеніе къ міру. Всякія же ученія о божествахъ, о происхожденіи міра, всякія вообще басни—по мнѣнію Толстого—только наносный иль, на который не слѣдуетъ обращать серьезнаго вниманія.

Можетъ быть это и такъ, но за вѣка, за тысячелѣтія, этого «ила» у разныхъ народовъ собралось столько, что за нимъ давно уже не стало видно настоящихъ душевныхъ религіозныхъ вопросовъ.

Много темноты вокругъ да около всѣхъ обрядовъ, всѣхъ повѣрій и преданій религіи.

Но постепенно все тайное становится явнымъ; наука шагъ за шагомъ разбиваетъ сознательныя и безсознательныя хитросплетенія всяческихъ жрецовъ и поповъ, показываетъ, что за таинственными завѣсами почти всегда нѣтъ ничего важнаго и серьезнаго.

Были еще въ 18 вѣкѣ попытки объяснить весь непонятный наборъ таинственныхъ словъ въ разныхъ священныхъ писаніяхъ *звѣзднымъ*, астральнымъ способомъ. Дѣло въ томъ, что древній человѣкъ всякое явленіе неба, движеніе свѣтилъ, даже переменныя погоды связывалъ съ жизнью своей, своихъ вождей, королей и т. под.

А кромѣ того, такой древній ученый часто говорилъ нарочито туманно, называя земныя вещи и дѣла небесными именами, всякому измѣненію на небѣ старался найти подходящее на землѣ, а измѣненіе крупное, необычайное понималъ какъ знаменіе божіе, которое предупреждаетъ или грозитъ.

Лѣтъ десять тому назадъ вышло «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ» шлиссельбуржца Н. Морозова, гдѣ онъ разбираетъ именно «звѣзднымъ способомъ» такъ наз. «Апокалипсисъ», откровеніе Іоанна Богослова, которое издавна служило за свою туманность предметомъ насмѣшки или религіознаго страха.

Морозовъ на основаніи личныхъ данныхъ предположилъ, что авторъ «Апокалипсиса» попросту описываетъ красивую, грандіозно-мощную бурю-грозу, облака-барашки, облака фигуры которой превратились въ его религіозномъ восторгѣ въ небесныя виды, въ небесныхъ посланниковъ. А многіе другія части апокалипсическаго видѣнія, не находящіе себѣ мѣста въ бурѣ-грозѣ, вполне находятъ свое объясненіе въ расположеніи созвѣздіи и планетъ того времени.

Во второмъ своемъ, небольшомъ, изысканіи Морозовъ показалъ, что огненные слова на пирѣ Валтасара (Даніиль, V, 27)—«мене, текель, пересъ» являются ничѣмъ инымъ, какъ вавилонскими названіями созвѣздіи Скорпіона, Вѣсовъ и Персея. Даніиль объяснилъ Валтасару слово «текель» такимъ образомъ: «ты взвѣшенъ на вѣсахъ и найденъ очень легкимъ». Въ Талмудѣ и въ книгѣ Еноха говорится о «Вѣсахъ», какъ тайнѣ неба и о томъ, что на нихъ будутъ взвѣшены дѣла людей. Ясно, что здѣсь вѣсы не символъ, а нѣчто дѣйствительное, находящееся на небѣ.

Другой русскій авторъ Д. О. Святскій разобралъ библейское сказаніе о томъ, какъ праотецъ Іаковъ, уставъ въ пути, легъ отдохнуть и увидѣлъ во снѣ небесное знаменіе—«лѣстницу», на верху которой, въ небѣ, «возсѣдалъ Господь», а по ступенямъ ея поднимались и нисходили вѣстники Его, ангелы.

Христіанская мистика видѣніе Іакова понимаетъ какъ прообразъ Богоматери, которая, родивши Богочеловѣка, соединила небо съ землею; отсюда одно изъ сопровождающихъ Богородицу именъ—«Лѣстница» и чтеніе въ дни ея праздниковъ библейскаго сказанія о снѣ Іакова.

Но можно подойти къ этому сказанію и научно, тогда получается другой его смыслъ:

Для путника, проникнутаго подобнымъ воззрѣніемъ на небо и возлегшаго отдохнуть, Млечный путь—развѣ это не дорога, не лѣстница, соединяющая небо съ землею? А созвѣздіе «Трсна» (нынѣ «Кассіопея») въ центрѣ, и наверху этой лѣстницы—развѣ это не тропа, на которомъ возсѣдаетъ Господь? А восходъ и закатъ звѣздъ—развѣ это не опусканіе и нисхождение Его вѣстниковъ, ангеловъ?

Тотъ же авторъ доказываетъ въ другомъ своемъ изысканіи, что пророчество Іереміи—не болѣе, какъ затуманенныя указанія на появившуюся въ моментъ писанія Комету Галлея (та, которая была у насъ видна въ 1910 г.), а въ «Страшномъ судѣ» п. казываетъ, что евангельское описаніе этого суда есть помѣсь воспоминаній о древне-егрейскихъ бытовыхъ обрядностяхъ съ астрономическими воззрѣніями того времени.

Такъ, шагъ за шагомъ, тайное становится явнымъ, такъ старыя религіозныя тайны превращаются въ сказки, о которыхъ скоро будутъ говорить въ школахъ, какъ о колесницѣ бога солнца, перуновыхъ стрѣлахъ и разъѣзжающемъ по небу Ильѣ...

Д. Бразуль.

Умерли-ли книги?

Въ послѣднее время въ газетахъ и журналахъ появляются статьи и замѣтки, въ которыхъ оплакивается гибель книги.

«Пропала книга!», «Исчезла книга!»—раздаются со страницъ журналовъ и газетъ скорбные возгласы, и русскую книгу хоронятъ чуть ли не каждый день—«по первому разряду».

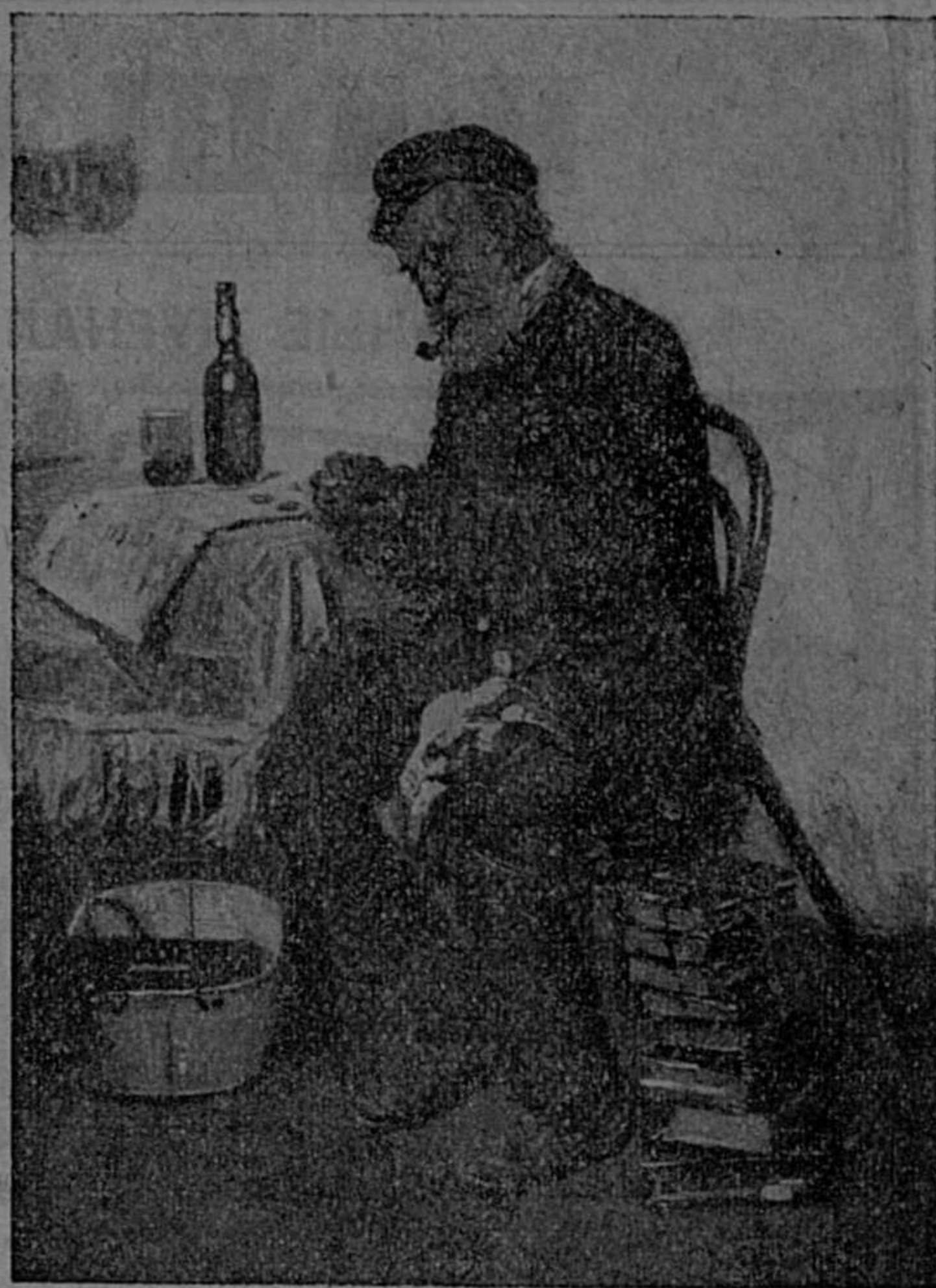
Но если, съ одной стороны, изданіе книгъ въ широкомъ масштабѣ и пріостановилось, благодаря дороговизнѣ печатныхъ матеріаловъ и рабочихъ рукъ, то, съ другой стороны,—хорошая старая талантливая книга вышла изъ пыльных и затхлыхъ подваловъ и кладовыхъ на улицу.

Въ прежніе дни, когда издавать и печатать «ничего не стоило», книжный рынокъ загромождался такъ называемой макулатурой, т. е. книгами и брошюрами, никакой литературной цѣнности не имѣющими.

Макулатура эта кричала, галдѣла, пестрѣла, до головной боли, яркостью брошюрныхъ обложекъ и отодвигала на второй и на третій планъ «настоящія», «стоющія» книги.

Многокрасочный «Натъ Пинкертонъ» побѣждалъ скромнаго Тургенева!

Теперь «Натъ Пинкертонъ» издаваться не такъ ужъ выгодно; онъ—отгалдѣлъ, выдохся, вылинялъ, и въ витринахъ книжныхъ магазиновъ появился «скромный Тургеневъ», шансы

В. Г. Маковский.

«Букинистъ».

котораго на всеобщее вниманіе были еще недавно такъ слабы!..

Но пришедшія на смѣну «Пинкертону» сочиненія классиковъ появились не только въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, эти сочиненія можно встрѣтить также и на многочисленныхъ книжныхъ лоткахъ на улицѣ.

Такъ, умиравшая было въ безсолнечныхъ кладовыхъ хорошая книга,—отряхнувши многолѣтнюю пыль,—воскресла и зажила въ наши дни животворящей жизнью...

ОГОНЬКИ.

(«Тамъ, во глубинѣ Россіи».)

Прошло то время, когда провинція была «богоспасаемой», «дырой» и «засасывавшимъ болотомъ».

Событія, всколыхнувшія Россію, пронесли по русской провинці ураганомъ, и провинціальная «глубина Россіи» освободилась отъ своей «вѣковой тишины».

Провинція живетъ бурной, клокочущей жизнью, «устраивается», предпринимаетъ, перерабатываетъ установившіеся за много тихихъ лѣтъ уклады и—не хочетъ, не думаетъ угмониться.

Провинція, еще такъ недавно, «богоспасаемая», энергично организуетъ союзы трудовыхъ гражданъ, хозяйственные коммуны, общины, артели и т. д.

Мирная, безтревожная, невозмутимая жизнь провинціи постепенно отходитъ въ область преданій, и то тутъ, то тамъ въ многообѣщающей провинціальной тьмѣ вспыхиваютъ огоньки культуры...

Съ каждымъ днемъ провинція теряетъ все свои типичные признаки «мирнаго житія» и безтревожнаго благополучія, и пріобрѣтаетъ новыя черты, характеризующія ее, какъ посетительницу революціи.

Она широко распахнула все свои окна, впустивъ горячій потокъ солнечныхъ лучей, и какъ бы потянулась—къ солнцу, къ солнцу свободной и дѣйственной жизни!..

«Къ Солнцу!» будетъ еженедѣльно отмѣчать на своихъ страницахъ все то страдное, живое, культурное, свѣтлое, чѣмъ духовно живетъ глубина Россіи.

Но редакция ждетъ и поддержки своихъ читателей въ этомъ отношеніи.

Братья, друзья, товарищи, граждане—зовитесь, какъ хотите,—но только шлите замѣтки, очерки, отчеты о томъ, какъ дышетъ провинція, какъ барахтается въ тискахъ невѣжества, какъ упорно, точно былинка къ солнцу, пробивается впередъ проснувшійся народъ.

НАШЪ СМЪХЪ.

ПАНЕЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Былъ рокъ газетчика печаленъ
И черенъ, точно сотня кляксъ:
Журналы брали—для читаленъ.
А для уборныхъ—пикифаксъ.

Но стало легче жить на свѣтѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ этотъ
хламъ:

Журналы пакостные эти
Равно идутъ и тутъ и тамъ!...

Тамъ, гдѣ насъ нѣтъ...

(Арія летчика).

На воздушномъ океанѣ
Съ «Гномомъ» въ 75 силъ,
Я понесся на «Фарманѣ»
Къ хору стройному свѣтилъ.

Словно шмель, гудитъ пропел-
леръ.

Здѣсь въ эфирной вышинѣ
Я богаче, чѣмъ Рокфеллеръ,
Хоть «керенокъ» нѣтъ при мнѣ...

Не боясь капризныхъ вѣтровъ,
Рвѣть мой воздушный богъ...
Сколько я промчался метровъ? —
200? 300? 800?

Выше, выше мчусь я птицей
Въ міръ надземной красоты,
Гдѣ не вьются вереницей
Мясо-хлѣбные хвосты...

Здѣсь не слышны крики «дрызни!»
Наспиртованныхъ людей,
Титулованные слиз и
Тутъ не сѣютъ злыхъ идей.
Здѣсь не нужно и «восьмушки».
О которой бредитъ міръ:
Воздухъ нѣженъ, какъ ват-
рушки,

Небо чище, чѣмъ к-фиръ.
Здѣсь опасность есть-ли, нѣтъ-ли, —
Но мѣшечниковъ не зрю...
Двѣ продѣлавъ «мертвыхъ петли»,
Все впередъ, впередъ парю.

Миръ и тишь царятъ въ эфирѣ,
Замираетъ свѣжій «нордъ».
Ну, а тамъ, въ далекомъ мірѣ,
Гуль и трескъ разбитыхъ
«мордъ».

Есть-ли тамъ такая нѣга?
Нѣтъ!.. Назадъ не поверну...
— Эй, постой, орелъ-коллега,—
Проводика-ка на луну!

Доль.

АНГЛІЙСКІЙ ЮМОРЪ.

— Въ наше время дороговизны жи-
ровыхъ веществъ и засаленные брюки
на чтонибудь могутъ пригодиться.

мхл - 6700

Подписная плата

на журналъ со всѣми еженедѣльными
ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

На 1 мѣс. 3 р.
На 2 мѣс. 5 р.
На 6 мѣс. 15 р.

Цѣна отд. №-ра—40 коп.

Цѣна каждого приложенія въ отдѣльной
продажѣ—50 коп.

ПРИЕМНЫЕ ЧАСЫ

въ редакціи—Ивановская 14, тел. 273-04—
отъ 4 до 6 час.

Въ ближайшихъ №№

будутъ напечатаны:

Разказы: А. Грина, Л. Гумилевскаго,
Карменъ, А. Рославлева, Я. Окунева
и др.

Стихи: Л. Андрусона, Я. Бердникова,
Валент. Горянского, Доля. Вас. Кня-
зева, И. Логинова, Мих. Андреева
М. Пустынина и др.

Статьи и очерки: Н. Бернштейна, Д. Бра-
зуля, Бож. Витвицкой, Карменъ,
В. Князева, и др.

gn 1987 Nov 5

РНБ РЖФ

35
178

1918

№ 1